

УДК 159.922
DOI: 10.28995/2073-6398-2018-1-55-64

Доречевой или дословесный?

Галина А. Мишина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mishinagalina2017@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого понятия, как «автономная речь», в которой видится основа становления и развития новообразований всех дальнейших периодов (как литических, так и критических). Выделены свойства, объединяющие эгоцентрическую и внутреннюю речь с автономной и позволяющие говорить о последней как необходимом этапе развития речи в онтогенезе. Представленный в статье подход позволяет по-новому проектировать содержание ранней (первый-второй год жизни) коррекционной работы (в первую очередь, логопедической).

Ключевые слова: культурно-историческая теория, автономная речь, психологическое средство, новообразование, личность

Для цитирования: Мишина Г.А. Доречевой или дословесный? // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 1(11). С. 55–64. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-1-55-64

Pre-verbal or pre-lingual?

Galina A. Mishina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mishinagalina2017@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the definition of such a concept as “autonomous speech”. This type of speech seems as a basis for the development of new formations of all subsequent periods (both lytic and crucial). Characteristics of both egocentric and internal speech common with autonomous one were identified, what allowed to consider “autonomous speech” as a necessary stage of speech development in ontogenesis. The approach presented in the article enables to re-design the content of the early (first-second year) correctional work (first of all, speech development).

Keywords: cultural and historical theory, autonomous, speech, psychological mediator, new formation, personality

For citation: Mishina GA. Pre-verbal or pre-lingual? *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Psychology. Pedagogics. Education"*. 2018;1(11):55-64. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-1-55-64

Анализ психологической, психолингвистической, философской и т. п. литературы, а также данных теоретических и эмпирических исследований в области логопедии, семиотики и т. д. показал, что, с одной стороны, хорошо изучены такие разнообразные аспекты развития речи, как ее происхождение, функции, формы. С другой стороны, многие стороны развития речи, в первую очередь относящиеся к наиболее ранним возрастам, являются достаточно противоречивыми и малоизученными. Так, психологи, говоря о речи, исследуют внутреннюю речь (опираясь на работы Л.С. Выготского), значительно реже – эгоцентрическую речь, автономная ими не рассматривается. Закономерен вопрос о значении последней в общей логике речевого и в целом психического развития. В отечественной логопедии и коррекционной педагогике данное понятие не изучается вовсе. В поисках ответов мы провели собственное исследование.

Теоретические исследования российских специалистов показали, что на сегодняшний день нет единого определения такого понятия, как «речь». В работах лингвистов (Р.О. Якобсон, С.В. Кодзасов и др.) речь синонимизирует с понятием «язык», в других рассматривается как его часть, при этом под языком подразумевается орудие общения, а речь является производимым этим орудием видом общения. В-третьих, наоборот, речь содержит язык в качестве одной из своих сторон (А.А. Ветров). Нет единства и среди психологов. Так, речь понимается и как средство общения (М.И. Лисина и др.), и как самостоятельная деятельность (А.А. Леонтьев), и как психологический процесс формулирования и передачи мысли средствами языка (А.Р. Лурия), и как деятельность общения посредством языка (С.Л. Рубинштейн), как одна из форм коммуникации людей, которая обеспечивает формирование, передачу и восприятие информации (Л.А. Орбели). В работах последних лет (2000–2015 гг.), посвященных речевому онтогенезу, ряд авторов, указывая на тесную взаимосвязь речи и языка, обозначают процессы, функции и механизмы как речезыковые (Т.Н. Ушакова) или как функциональную систему языка и речи (А.Н. Корнев).

Обратимся к случаям нарушенного развития. В отечественной логопедии психолингвистический подход является единственным, в рамках которого рассматривается речь, и рассматривается именно как речевая деятельность. Однако все авторы, описывая или изучая период младенчества и/или раннего детства, обозначают нарушения как речевые, что нашло отражение в следующих формулировках – «задержка речевого развития, отсутствие речи, нарушения речи, отклонения речевого развития» и т. д., при этом содержание предлагаемой коррекционной работы чаще всего связано с формированием языковой компетентности (лексико-грамматические категории, слоговая структура и т. д.).

Речь, как известно, является предметом изучения многих наук – психофизиологии, философии, психологии, психолингвистики, логопедии, лингвистики и т. д. Как *психическая* функция наиболее подробно в отечественной психологии речь была представлена в работах Л.С. Выготского и его учеников. Теоретические и экспериментальные поиски в рамках культурно-исторической теории позволили говорить о таких видах речи, как автономная, эгоцентрическая, внутренняя. Достаточно обширный экспериментальный материал был собран относительно эгоцентрической (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, А.А. Люблинская, А.К. Маркова, А.Р. Лурия, Ф.Я. Юдович и др.) и внутренней речи (Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, Т.В. Ахутина, В.С. Библер, В.В. Виноградов, П.Я. Гальперин, Н.И. Жинкин, А.Р. Лурия, А.Н. Соколов, Л.С. Цветкова, Д.Б. Эльконин и др.), значительно меньше в отношении автономной.

Термин «автономная» был предложен В. Элиасбергом, хотя впервые об этом высказался Ч. Дарвин. Согласно их позиции, это – период перехода от безъязычного к языковому развитию.

Теоретические и экспериментальные исследования, направленные на изучение автономной речи, были сделаны в России в 30-е (Л.С. Выготский), 40-е (Т.Е. Конникова), 50-е годы (Р.Е. Левина, А.Р. Лурия, Ф.А. Юдович).

Л.С. Выготским указывалось, что автономная речь является необходимым периодом в развитии всякого нормального ребенка. Кроме того, автономная речь рассматривалась психологом как новообразование критического возраста.

Переходы, возникающие в критические возрасты, и в частности автономная детская речь, бесконечно интересны тем, что они представляют собой участки детского развития, в котором мы видим обнаженную диалектическую закономерность развития [1, с. 963].

В автономной речи аффект, выступая в качестве мотора, сливается со смыслом, идущим от окружающего. Слово автономной речи является преемником указательного жеста и достаточно близко к нему по психологической природе. Через называние возникает понимание в отличие от заражения, возникает первичное смысловое восприятие.

Одним из немногих исследований, посвященных этому периоду, является исследование Т.Е. Конниковой. Автором изучался переходный, промежуточный этап своеобразно-симпраксической речи, в которой есть все для дальнейшего развития и перерастания в собственно речь. В работе дан анализ становления семантической и звуковой стороны, выделены условия, влияющие на эти изменения, и временные рамки данного явления. Так, больше всего непохожих по звучанию слов наблюдалось в 1 г. / 1 г. 2 мес., а к 1 г. 5 мес. / 1 г. 7 мес. наблюдался их минимум. Именно этот возраст (1 г. 5 мес. / 1 г. 7 мес.) указывается автором как переломный в развитии речи. Переломным является момент, когда происходит распад многозначности, слова начинают отражать объективный устойчивый смысл предметов и явлений, обобщать их объективные признаки и свойства, а не диффузные аффективно переживаемые ситуации действий. Именно с этого времени (старше 1 г. 7 мес.), по мнению автора, возможно говорить о наблюдаемом единстве речи и сознания.

Таким образом, особенностями этого периода являются следующие: звуковой состав отличается от обычной речи (ни артикуляционно, ни фонетически слова не похожи: резко расходятся в звучании или искажаются); значение слова ситуационно, при этом общение с помощью такой речи возможно только в конкретной ситуации; автономный язык аграмматичен.

Р.Е. Левиной [2, с. 191], вслед за Л.С. Выготским, указывалось на «двойственный характер природы» автономной речи (и звучание, и значение обнаруживают промежуточное место между доречевыми формами общения и смыслового восприятия и «нашим» звучанием и значением слов), при этом сама автономная речь определяется как «голосовой указательный жест». По мнению Р.Е. Левиной [2, с. 144], источником автономной речи является диалог, т. е. процесс общения, а ее функцией называется указание, «поскольку слово указывает на определенный предмет или на определенный признак. Индикация является генетически более ранней, чем сигнификативная функция, замещающая впечатления и означающая их».

Р.Е. Левиной также была предпринята попытка подойти к пониманию личности ребенка, стоящего на уровне автономной речи.

Однако данное направление не получило развития в последующих работах.

В современных лингвистических, психолингвистических, логопедических исследованиях данный период либо не рассматривается как очередной этап в речевом развитии, либо представлен как период «позднего лепета» или период начала собственно речи.

Наше исследование велось в теоретическом и эмпирическом направлениях. Теоретически мы пытались найти/опровергнуть связь автономной речи с эгоцентрической и внутренней (так как о связи последних имеются указания) для того, чтобы понять место автономной речи в речевом онтогенезе. В данной статье представлены именно теоретические поиски.

Связь эгоцентрической и внутренней речи имеет достаточное подтверждение в психологических исследованиях отечественных психологов. Возникает внутренняя речь, по Л.С. Выготскому, путем дифференциации социальной функции речи для других: первоначально внешняя и внутренняя речь слиты, далее во внешней речи выделяется эгоцентрическая речь (как переходная к внутренней) и, наконец, появляется внутренняя речь. Теория поэтапного формирования умственных действий доказала эту связь теоретически и экспериментально – по мнению П.Я. Гальперина, первая, собственно, определяет развитие второй. А.А. Люблинская экспериментально показала, что переход эгоцентрической речи во внутреннюю происходит в норме в 4–5 лет. Об интериоризации эгоцентрической речи во внутреннюю, играющую центральную роль в сознании того смыслового плана человека, который определяет структуру его поведения, писала и А.К. Маркова. При этом эгоцентрическая речь определялась ею как переходная между внешней и внутренней речью – по форме она еще внешняя, но по функции уже внутренняя. Что вполне применимо и к автономной речи.

На первом этапе нашего поиска мы попытались рассмотреть сущность речи. И в первую очередь ее назначение. Идя от понятия «натуральная психическая функция» и процесса ее трансформации в высшую психическую функцию, мы пришли к пониманию необходимости существования психологического средства, благодаря которому данный процесс становится возможным. Нами были выделены основные свойства психологического средства: его вспомогательная роль, частичная осознанность, встроенность в психическую функцию, включенность в субъект-субъектные отношения, структурная особенность (а именно – доминирование смысловой части), активность (инициативность). Дальнейший поиск позволил нам [3, с. 110] говорить о том, что «речь как раз и является тем

самым психологическим средством, с помощью которого натуральные функции становятся высшими...». Все перечисленные свойства психологического средства оказались присущи как внутренней и эгоцентрической, так и автономной речи.

На втором этапе мы изучали внутреннюю и эгоцентрическую речь, опираясь на эмпирические данные, представленные в работах отечественных психологов и философов, и выделяя те свойства речи, которые присущи как одному, так и другому ее виду.

В культурно-исторической теории внутренняя речь достаточно подробно исследована (Т.В. Ахутина, Н.И. Жинкин, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия, А.Н. Соколов, Л.С. Цветкова, Д.Б. Эльконин и др.). Л.С. Выготский [1, с. 488] писал о ней, как о «своеобразной по строению и способу функционирования», считая ее «особым самостоятельным моментом речевого мышления, в котором сфокусированы все динамические отношения мысли и слова». А.Р. Лурия рассматривал такую речь в качестве механизма, превращающего внутренние субъективные смыслы в систему внешних развернутых речевых значений. По Н.И. Жинкину, в основе единицы внутренней речи лежит значение слова, нагруженное контекстными связями (т. е. смыслами). Слово как таковое умирает во внутренней речи, воплощая мысль (Л.С. Выготский). Вклад в разработку теории внутренней речи внесли работы А.Н. Соколова, различавшего внутреннюю речь как средство мышления (она рассматривалась исследователем в качестве базового механизма) и как средство продуцирования и осмысления речи («развернутая внутренняя речь»).

Теория внутренней речи, предложенная Л.С. Выготским, была расширена работами Б.Г. Ананьева: внимание автора было направлено не только на функции контроля, но и на значение внутренней речи в личностном развитии.

Известный спор Ж. Пиаже и Л.С. Выготского о природе эгоцентрической речи положил начало экспериментальным исследованиям отечественных психологов в этом направлении. Эгоцентрическая речь также представлена как в теоретических, так и экспериментальных работах (Л.С. Выготский, Ш. Бюлер, С. Айзенк, В. Штерн, Ж. Пиаже и др.). Ряд работ, посвященных этой проблеме (А.А. Люблинская и др.), доказал социальную основу данного вида речи. Именно эгоцентрическая речь выполняет регулирующую функцию, а также функцию образования плана решения задачи, возникающей в поведении, т. е. являющуюся по сути средством мышления (Д.Б. Эльконин).

Процесс анализа данных позволил говорить о таких свойствах, как предикативность, диалогичность, структурная особенность

(смысловая доминанта), инициативность. Как показало наше исследование, эти свойства оказались характерны и для автономной речи. Рассмотрим подробнее.

Предикативность. Компонентами предикативности, по В.В. Виноградову, являются модальность и временная характеристика. Модальность связана с категорией состояния (душевного, физического или эмоционального состояния человека, окружающей среды и природы). Говоря о временной составляющей, следует указать, что для предикативности нехарактерно «раньше» или «позже», только «сейчас». Можно утверждать, что эти характеристики присущи как внутренней и эгоцентрической речи, так и автономной.

Абсолютная предикативность внутренней речи, тождественная абсолютной субъектности (несовпадение субъекта логического с ним самим), ее смысловая экспансия, ее порождающая сила по отношению к речи внешней были раскрыты В.С. Библером. О предикативности внутренней речи философ рассуждал следующим образом:

Во внутренней речи (в ее углубляющемся движении) предикаты также не нужно физически, фонетически развертывать, они даны здесь окончаниями (началами) слов, их предельными характеристиками, образуя фразу-слово-звучание, слитое в неделимую мгновенную точку, «делимую» лишь своим потенциальным развертыванием (во внешнюю речь) и своим прошлым бытием (во внешней речи) [4, с. 68].

Эгоцентрическую речь также характеризует предикативность, при этом развертывание предикатов происходит во внешнем звучании. Л.С. Выготский так писал об этом:

Ребенок говорит по поводу того, чем он занят сейчас в эту минуту, по поводу того, что он сейчас делает, по поводу того, что находится у него перед глазами. Поэтому он все больше и больше опускает, сокращает, сгущает подлежащее и относящиеся к нему слова. И все больше редуцирует речь до одного сказуемого [1, с. 960].

Психологом указывается на следствие этого процесса: редуцирование фонетических моментов речи, своеобразие семантики, оперирование смыслами.

В основе предикативности лежит действие, состояние. Автономная речь осуществляется только относительно каких-либо впечатлений, т. е. эмоциональных состояний и действий, и только сейчас происходящих. Образование «слов» автономной речи

происходит в результате аффективного переживания ребенком действенной ситуации, возникающей в активном сотрудничестве с взрослым. Автономная речь возникает здесь и сейчас, т. е. ребенок сообщает о том, что привлекло его внимание, «затронуло», взволновало, «впечатлило». Для предикативности характерна законченность мысли. Произнесенное ребенком звуковое сообщение рассматривается именно как текст (в интерпретации близкого взрослого). Таким образом, предикативность можно рассматривать как общую характеристику всех трех видов речи.

Диалогичность. Внутренняя речь рассматривается как ситуация спора двух субъектов, отличных по своему бытию. В.С. Библер выделяет в речи два одновременно существующих направления – вовне и вовнутрь, на другого и на себя, подчеркивая их одновременную исходность, а не надстраивание и не последовательность. Две речи (внешняя и внутренняя) сосуществуют одновременно. Отсюда для разворачивания внутренней речи необходим диалог – диалог между внутренней и внешней речью, причем диалог двух радикально различных (социально и индивидуально) субъектов.

Эгоцентрическая речь, аналогично внутренней, также представляет собой диалог, но только реализуемый во внешней речи (А.А. Люблинская, Д.Б. Эльконин).

А автономная речь вообще возможна *только* в диалоге, в диалоге внешнем. Именно диалог является источником автономной речи. В отличие от предыдущих двух в этом случае диалог ведется не с внутренним или идеально вовне существующим субъектом, а с реальным субъектом – в первую очередь, близким взрослым.

Говоря о диалоге, следует указать, что он отнесен лингвистами к речевому устному жанру и рассматривается как характерная черта общения, сопровождаемого использованием паралингвистических средств.

Инициативность. Все три вида речи осуществляются только по инициативе говорящего. Практический опыт работы с детьми с выраженным интеллектуальным снижением показывает, что автономная речь у таких детей не встречается, их начинают обучать говорить либо у ребенка остаются только нечленораздельные звуки. К слову сказать, в отечественной логопедии весь коррекционный процесс строится именно на ситуации отраженной речи: логопед говорит (спрашивает), а ребенок отвечает (повторяет, рассказывает), в результате чего ребенок постоянно находится в позиции «пассивного» обучающегося. Многие родители детей с речевой патологией также замечают, что их дети мало задают вопросов, тем более таких, как «почему?» и «зачем?». Случаи нарушенного раз-

вития (в первую очередь, интеллектуальная недостаточность, характеризующаяся низким уровнем познавательной активности и несформированностью высших психических функций) указывают на особенности развития и эгоцентрической, и внутренней речи, а автономная речь вне коррекционного процесса не появляется.

Структурная особенность (смысловая доминанта). Данное свойство заключается в преобладании смысла над значением. Смысл – это часть слова, направленная на самого субъекта, а значение – на объект. Л.С. Выготский рассматривал значение как общеупотребительную, фиксированную зону смысла, а последний определял через отношение части к целому. А.Н. Леонтьев указывал на то, что смысл (личностный смысл) выражает отношение субъекта к осознаваемым объективным явлениям.

Почему же в структуре слова можно считать основной частью смысл, а не значение? Возможно говорить о том, что в некоторых ситуациях слово, имея значение, тем не менее не имеет смысла (в случаях патологии, например, умственной отсталости). С другой стороны, можно возразить, что бывают ситуации, когда слово, имея смысл, тем не менее не понимается другими людьми (из-за отсутствия общеупотребительного значения), т. е., на первый взгляд, не имеет значения. Это – пример автономной речи. Однако стоит обратить внимание на одну деталь: в последнем случае слово не имеет значения для незнакомых взрослых, а в ситуационном контексте близкие взрослые ребенка понимают то, что хотел он передать. Отсюда мы говорим о том, что первоначально ребенок овладевает смыслом слова, так как не владеет еще языковыми средствами, позволяющими этот смысл передавать через «понятное взрослому звучание». Как взрослый понимает? Во-первых, слово автономной речи контекстно, взрослый, находясь в одной с ребенком ситуации, знает о том, что происходит, во-вторых, интонация, мимика и жесты являются основными маркерами для понимания смысла «звучкового» высказывания ребенка.

Во всех работах, так или иначе касающихся проблемы значения и смысла, присутствует указание на прямое отношение смысла к сфере личностных образований. Учитывая это, мы и рассматриваем автономную речь именно как личностное новообразование кризиса первого года жизни. На наш взгляд, можно говорить о том, что, изучая развитие автономной речи малыша, мы изучаем развитие его личности.

Таким образом, мы считаем, что термин «доречевой период», относящийся к первым двум годам жизни, не совсем корректный с позиции психологического подхода, так как это – период разви-

тия и существования автономной речи. На наш взгляд, правильнее было бы говорить именно о дословесном этапе. Более того, рассмотрение автономной речи в качестве одного из этапов развития речи позволяет по-новому посмотреть на содержание ранней коррекционной работы (в том числе и логопедической) на первом и втором годах жизни.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 1008 с.
2. *Левина Р.Е.* Нарушения речи и письма у детей / Ред.-сост. Г.В. Чиркина, П.Б. Шошин. М.: АРКТИ, 2005.
3. *Мишина Г.А.* К проблеме генезиса высших психических функций // Вестник РГГУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 15(95). С. 103–115.
4. *Библер В.С.* На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

References

1. Vygotskii LS. Psychology. Moscow: Eksmo Publ.; 2000. 1008 p. (In Russ.)
2. Levina RE. Disturbance of speech and writing in children. Compiled by GV. Chirkina, PB. Shoshin. Moscow: ARKTI Publ.; 2005. (In Russ.)
3. Mishina GA. To genesis's problem of the higher mental functions. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Psychological Studies"*. 2012;15(95):103-15. (In Russ.)
4. Bibler VS. On the fringes of the logic of culture: Book of Selected Essays. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ.; 1997. (In Russ.)

Сведения об авторе

Галина А. Мишина, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mishinagalina2017@mail.ru

Information about the author

Galina A. Mishina, Doctor in Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; mishinagalina2017@mail.ru